

Т. Чернова-Дёке

ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЦЕВ ЗАКАВКАЗЬЯ

Согласно постановлению Государственного комитета обороны за № 698сс от 21 сентября 1941 г., сроки депортации немцев с Северного Кавказа были определены с 25 сентября по 10 октября. В НКВД закавказских республик также были направлены директивные указания: районные отделы НКВД были ориентированы в сентябре на выявление проживавших немцев, усиленное наблюдение за ними и составление списков. По переписи 17 января 1939 г., в Азербайджане числилось 23 133 человека, в Грузии – 20 527 человек, в Армении 433 гражданина немецкой национальности. (Всего в СССР – 1 427 232 немца, т. е. в Закавказье их проживало немногим более 3%.) Однако имеются расхождения в статистике о численности проживавших и подлежащих выселению немцев. Интересный документ «Сличительная ведомость о наличии граждан немецкой национальности в областях, краях, республиках» (составлен не ранее октября 1941 г.) проливает свет на этот вопрос. Сведения НКВД-УНКВД совпадают с приведенными выше данными ЦСУ Госплана (перепись) по Азербайджану, но дают разрыв в 4465 человек по Грузии (24 989 чел.) и в 180 человек по Армении (253 чел.)¹.

Данные переписи населения и количество планируемых к выселению и реально выявленных и отправленных немцев закономерно отличаются, поскольку сказались влияние арестов в 1940–1941 гг.; оставляли на местах женщин с детьми, бывших замужем не за немцами; затрудняло исчисление временное проживание немцев в городах – студентов и лиц без прописки, либо отсутствие в момент отправки. В некоторых районах немцы проживали вразброс.

Т. Tschernowa-Döke

DIE DEPORTATION DER KAUKASIENDEUTSCHEN

Am 21. September 1941 legte das staatliche Verteidigungskomitee der UdSSR per Beschluss Nr. 698ss Fristen zur Deportation der deutschstämmigen Bevölkerung aus dem Nordkaukasus fest, diese sollte vom 25. September bis 10. Oktober erfolgen. Auch in den Transkaukasischen Sowjetrepubliken bekam das NKWD die Anweisung, ab September alle innerhalb der Republiken lebenden Deutschen aufzulisten und eine verschärfte Beobachtung dieser zu gewährleisten. Nach der Volkszählung vom 17. Januar 1939 lebten in Aserbaidschan 23.133 Personen deutscher Herkunft, in Georgien waren es 20.527 und in Armenien 433. So machte die deutsche Bevölkerung in Transkaukasien knapp über 3% der Gesamtzahl der Deutschen in Sowjetunion (1.427.232 Menschen) aus. Diese Zahlen stimmen jedoch nicht mit den Zahlen der zu deportierenden Deutschen vom September 1941 überein. Genaue Angaben darüber finden sich in den „Vergleichslisten der deutschstämmigen Bevölkerung in Gebieten, Kreisen und Republiken“ (erstellt frühestens im Oktober 1941). Diese Vergleichslisten stellen eine Gegenüberstellung der im Zuge der Volkszählung von 1939 vom zentralen Amt für Statistik und der im September 1941 vom NKWD bzw. UNKWD ermittelten Bevölkerungszahlen dar. Ausgehend von diesem Dokument mussten aus Georgien 4.465 Deutsche mehr deportiert werden als dort laut der Volkszählung von 1939 lebten, in Armenien dagegen waren für die Deportation 180 Bürger deutscher Nationalität weniger vorgemerkt als die genannte Volkszählung ergab. Lediglich in Aserbaidschan stimmten die Zahlen der zu deportierenden Deutschen mit den Ergebnissen der Volkszählung überein.

Diese Zahlendiskrepanzen sind jedoch nachvollziehbar. Sie kamen zu Stande durch Verhaftungen aus den Jahren 1940 und 1941, durch

« Meine Heimat

Meine Heimat:
Die glyzinienumrankte Veranda,
die süße Birne,
Der tote Spatz,
Den wir im Garten begruben...

Frühling.
An jeder Straßenecke
Bieten Dorfbuben
Schneeglöckchen und Schlüsselblumen feil.
Die Kura – ein reißender Strom...

Die Wassermühlen klappern.
Wir stehen auf der Eselsbrücke.
Abreißen will man sie.
Wir trauen
Ums alte Tbilissi... »

*Nora
Pfeffer*

Nora Pfeffer

Russlanddeutsche Lyrikerin, geb. 1919 in Tbilissi. 1943 wurde sie in Tbilissi verhaftet. 10 Jahre war sie im Straflager in Dudinka, anschließend wurde sie nach Nordkasachstan verbannt. Heute lebt sie in Köln.

В докладной записке наркома Союза ССР Берии Сталину (от 8 октября за № 2716/б) названа цифра 48 375 немцев, проживавших в трех закавказских республиках, в том числе 29 609 сельских жителей: членов и кандидатов ВКП(б) – 372 человека, членов ВЛКСМ – 1077 человек. На оперативном учете НКВД

Уже 11 октября последовал приказ о мероприятиях по переселению немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР.

«как антисоветский и сомнительный элемент» состояли 1842 человека. «В целях предотвращения антисоветской работы» со стороны немцев в этих республиках НКВД считал «целесообразным» состо-

ящих на оперативном учете арестовать, а остальную часть немецкого населения в числе 46 533 человек переселить в Казахскую ССР. Представляя при этом соответствующий проект постановления ГКО, Берия запросил Сталина о решении². Оно последовало явно незамедлительно. Соответственно названной выше цели была намечена превентивная мера в отношении немецкого населения Южного Кавказа.

8 октября 1941 г. (постановление № 744сс) ГКО постановил: переселить из Грузинской ССР – 23 580 человек, из Азербайджанской ССР – 22 741 человек и из Армянской ССР – 212 человек немецкой национальности в Казахскую ССР. Расселение провести в соответствии с Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) за № 2060-935сс от 12 сентября 1941 г. «О расселении немцев Поволжья в Казахстане» и с инструкцией о порядке приема имущества переселенцев, утвержденной СНК СССР 30 августа 1941 г. Руководство переселением в сроки с 15 по 30 октября возложить на НКВД СССР. Пункты 4–8, 11 постановления предусматривали условия переселения (перевозка, пита-

die Nichtumsiedlung von deutschen Frauen mit Kindern, die keinen Deutschen zum Ehemann hatten, durch den vorübergehenden Aufenthalt der Deutschen in den Städten, wo sie nicht gemeldet waren, wie es zum Beispiel bei Studenten und bei den nicht an einem bestimmten Wohnort gemeldeten Personen der Fall war. Darüber hinaus waren einzelne „zerstreut lebende“ Deutsche sowie solche, die zum Zeitpunkt der Zählung verreist waren, nur schwer zu erfassen.

In einem Kurzbericht des Narkom Beria an Stalin (Nr. 2716/b vom 8. Oktober 1941) wurde die deutsche Bevölkerung aller drei Republiken Transkaukasiens auf 48.375 Menschen beziffert. 29.609 davon lebten auf dem Land, 372 waren Mitglieder oder Kandidaten für eine Mitgliedschaft in der WKP(B) und 1.077 – Mitglieder des WLKSM. 1.842 Personen wurden in den Akten des NKWD als „antisowjetische, verdächtige Risikogruppe“ geführt. Im Zuge „der Bekämpfung der antisowjetischen Arbeit“ in Transkaukasien seitens der deutschstämmigen Bevölkerung hielt es NKWD für angemessen, die als „antisowjetisch und verdächtig“ eingestufte Bevölkerungsgruppe zu inhaftieren und die verbleibenden 46.533 Personen in die Kasachische SSR auszusiedeln. Unter Vorlage eines entsprechenden Konzeptes des staatlichen Verteidigungskomitees bat Beria Stalin um Bewilligung des Vorhabens. Diese folgte unverzüglich. Dieselben Maßnahmen wurden unter gleicher Zielsetzung auch für Südkaukasus geplant.

So legte der Beschluss des staatlichen Verteidigungskomitees (Nr. 744ss vom 8. Oktober 1941) Folgendes fest: Aus der Georgischen SSR sollten 23.580, aus der Aserbaidshanischen SSR – 22.741 und aus der Armenischen SSR – 212 Bürger deutscher Abstammung in die kasachische SSR umgesiedelt werden. Bereits am 12. September 1941 verabschiedeten der Rat der Volkskommissare der UdSSR und das Zentralkomitee der WKP(B) gemeinsam den Beschluss „Über die Umsiedlung der Wolgadeutschen nach Kasachstan“ (Nr. 2060-935ss). Auch die Umsiedlung der Deutschen Transkaukasiens sollte nach Maßgaben dieses Beschlusses sowie unter der Einhaltung der vom Rat der Volkskommissare am 30. August 1941 verabschiede-

Нора Пфедфер

Ванька-встанька

Я с детства к тебе
 прилепилась душой,
 и время, пожалуй,
 не властно над нами,
 поныне с тобою остались
 друзьями,
 мой верный дружище,
 мой братец меньшей!

Со временем твой разгадала
 секрет:
 Тебя ванькой-встанькой
 недаром прозвали,
 и в жизни пример я брала
 не с тебя ли,
 чтоб выстоять, выжить
 под натиском бед?

Все кажется,
 снова из давних времен
 доносится тихий и радостный
 звон.

Перевод Л. Степановой

Леонид Брюммер.
 Сирень.
 Холст, масло.
 77х63. 1958.

Хайку

Шепот сирени
 в детские годы мои
 баюкал меня.

Белые мухи
 летят и летят с неба:
 все еще зима.

Перевод Б. Дубровина

Поэтесса Нора Пфедфер родилась в Тбилиси в 1919 г. Училась в немецкой школе, директором которой был в течение 20 лет ее отец Густав Яковлевич, пока в одну зловещую ночь в 1935 г. не арестовали его и мать Нору Эмилию Михайловну. Перед войной она вышла замуж и родила сына. Когда грянула война, мужа призвали в армию и отправили на фронт. Мать Нору к этому времени уже вернулась из заключения. 19 октября 1941 г. всех тбилисских немцев за 24 часа депортировали под конвоем. Норе, как жене грузина, разрешили остаться. И дедушку оставили: лежачий нетранспортабельный старик... Ела ботву, а сдавала кровь, чтобы получить какие-то сладости и жиры. В 1943 г. получила известие, что муж тяжело ранен. Она уже держала в руках билет, чтобы поехать за мужем в госпиталь, но тут умер дедушка, а в ночь после похорон Нору арестовали. Ребенок остался на руках у прислужницы прадедушки – Каталикоса Грузии. Эту прислужницу он прислал на помощь во время похорон. Осудили Нору Пфедфер по статье 58–10 и 58–11 к 10 годам заключения и к 5 годам ссылки и лишения прав.

ние в пути, медицинское обслуживание, возможность кредита). На прием и расселение следовало отпустить СНК КазССР из резервного фонда СНК СССР 3 млн. руб.; организация приема и расселения возлагалась (пп. 9–10) на председателя СНК КазССР (Ундасынов) и секретаря КП(б)К (Скворцов)³. Заметим, в документах не употребляется дефиниция «депортация».

Уже 11 октября последовал приказ № 00144877 за подписью Берии о мероприятиях по переселению немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР во исполнение решения ГКО. Из Москвы для оказания практической помощи были направлены в НКВД Грузии – заместитель начальника 3-го Управления НКВД СССР капитан ГБ Дроздецкий, а в НКВД Азербайджана – начальник отдела ЭКУ майор ГБ Ткаченко. Руководство по проведению акции в республиках возлагалось на наркомов внутренних дел: комиссара ГБ третьего ранга Рапава (ГрССР), старшего майора ГБ Якубова (АзССР) и майора ГБ Мартиросова (АрмССР). Руководством к действию служила прилагаемая к приказу инструкция. Для проведения операции на местах следовало создать участковые оперативные тройки. Для обеспечения акции переселения выделялись войска НКВД – потребное количество по заявкам наркомов внутренних дел. Состоящий на оперативном учете «антисоветский элемент» следовало арестовать, но семьи этих немцев переселить в общем порядке. В случае отказа выехать к месту расселения таких лиц надлежало переселить в принудительном порядке. Совместно с советско-партийным активом следовало на местах провести разъяснительную работу и предупредить переселяемых, что «в случае перехода на нелегальное положение отдельных членов семейств ответственность за них будет нести глава семьи». Для обеспечения погрузки переселяемых на пароходы в Баку и следования их до Красноводска предписывалось выделить наркому Якубову группу оперативных работников НКВД. О ходе операции наркомам следовало оперативно докладывать в Москву⁴.

ten Richtlinie über die Übergabe der Güter und Vermögen der Umsiedler erfolgen. Mit der Durchführung innerhalb von nur 15 Tagen vom 15. bis 30. Oktober wurde NKWD betraut. Dabei wurden auch Transport, Verpflegung und medizinische Versorgung während der Reise und eine mögliche Darlehensvergabe an die Betroffenen per o.g. Beschluss geregelt (Punkte 4–8, 11). Die Umsiedlung sollte mit 3 Mio. Rubel zu Buche schlagen, die vom Rat der Volkskommissare der UdSSR aus einem Reservefonds dem Rat der Volkskommissare der Kasachischen SSR zur Verfügung gestellt wurden und vom Vorsitzenden des Rates Undasynow sowie vom Sekretär der KP(B) K Skworzow bei der Aufnahme der Umsiedler und bei der Wohnraumverteilung verwaltet werden mussten (entsprechende Regelung in Punkten 9 und 10 des Beschlusses). Auffällig dabei ist, wie konsequent der Ausdruck „Deportation“ in sämtlichen Begleitdokumenten vermieden wurde.

Am 11. Oktober 1941 erging vom Narkom Beria der Befehl (Nr. 00144877) zur sofortigen Umsiedlung der Deutschen aus der Georgischen, der Aserbaidshanischen und der Armenischen Republiken gemäß dem Beschluss des staatlichen Verteidigungskomitees. Zur Unterstützung vor Ort bei diesem Vorhaben wurden in Moskau stellvertretender Vorsitzender der 3. NKWD-Direktion der UdSSR, Kapitän der KGB Drosdezkij und Vorsitzender der Wirtschaftsabteilung des NKWD, Major der KGB Tkatschenko jeweils dem NKWD Georgiens und dem NKWD Aserbaidshans zugeteilt. Die gesamte Durchführung der Umsiedlungsmaßnahmen oblag in der Georgischen SSR dem Volkskommissar des Inneren, Kommissar 3. Ranges der KGB Rapawa, in der Aserbaidshanischen SSR dem Obermajor der KGB Jakubow und in der Armenischen SSR dem Major der KGB Martirosow. Für die praktische Umsetzung der Umsiedlungen gab es genaue Dienstweisungen, die einzelne Vorbereitungs- und Durchführungsschritte festlegten. So hatten die einzelnen NKWD-Direktionen in ihren Wirkungsgebieten jeweils eine sog. Trojka zu bilden und bekamen die Möglichkeit, nach Bedarf zusätzlich Unterstützungstrup-

Георгий Гросс

Слева направо: Гросс Георгий, Гросс Лео, Гросс Наталья, Гросс Милена (дочь Георгия), Ина (жена Павлика – сына Георгия), Милена (жена Георгия)

Я работал инспектором движения поездов. Дорогу строили до Гагр. Очень часто приходилось быть в командировках. Я был в командировке в Гаграх, сидел в сквере, когда услышал речь Молотова о нападении Германии на СССР. Срочно вернулся в Сухуми. Обстановка нервозная. Стали рыть дурацкие траншеи, которые заливались частыми сухумскими дождями. В командировке в Ростове я впервые увидел крестообразно заклеенные окна домов и затемнение всего города. Через два месяца все немцы были извещены о выселении. Куда? Никто не знал. Получили увольнение, расчет. Был произведен обыск квартиры. Оперативник спросил Павлика (двухлетний сын. – ред.): «Где пулемет?» Павлик показал под кровать, и тот извлек оттуда его игрушки. Назначили день отъезда. Был октябрь 1941 г. Я пошел в КГБ просить, чтобы разрешили оставить Павлика у бабушки в Тбилиси. Не разрешили. Вещи собрали самые необходимые: теплую одежду, постель, матрасы, одеяла и даже старую металлическую раскладушку. Подошел грузовик с сотрудниками КГБ. Погрузили вещи, мест 5–6. Всю обстановку, мебель бросили, оставили семье старушки, которая смотрела за Павликом. На станции Келасури, где я прежде работал, подали состав с товарными вагонами, в них нас погрузили, как скот. В вагонах были нары – второй этаж. Поезд отправился. Прощай, родина – Кавказ! Остановка в Тбилиси. Узнал, что будем стоять около

двух часов. Выбежал на привокзальную площадь, взял машину с условием обратной доставки и поехал на Татьянинскую улицу, 5 к Милене Николаевне. Обнялись, наскоро переговорили. Она сказала, что наших – отца, Эвальда и Валю – жену Лео, уже отправили. Благословила меня, и я быстро вернулся к поезду, слава Богу, вовремя. Через несколько минут поезд пришел в Баку. В Баку нас высадили на морской пристани, к вечеру началась погрузка на пароход. Мест в каютах не было, расположились на палубе. Прибыли в Красноводск, нас выгрузили на пустырь, в поле. Сутки ждали вагонов. Наконец, погрузили опять в товарные вагоны и повезли вкруговую, чуть ли не через все среднеазиатские республики – через Мары, Чарджоу и другие пункты. На определенных пунктах выдавали хлеб и похлебу с кашей. Меня выбрали старостой вагона: я разливал похлебку и резал хлеб. На юге было еще тепло, а ближе к Казахстану становилось холоднее. Отопления не было, кутались во что могли. Больше всего боялись за двухлетнего Павлика. Но обошлось без болезней, а многие, особенно старики и дети, не выдерживали. Умерших выгружали на полустанках и оставляли там без всякого оформления и погребения. В конце октября прибыли на станцию Кокчетав (Казахстан).

Из воспоминаний Георгия Гросса

Одновременно наркомам внутренних дел республик были направлены директивы с грифом «совершенно секретно» (сс). Так, Якубову сообщалось в Баку, что из республики подлежит переселению немецкое население в количестве 22 741 человека, что операцию следует проводить в указанные сроки, на основании инструкции НКВД СССР, имеющейся у Ткаченко, что расходы на проведение выселения переводятся. Подобный инструктаж от заместителя наркома внутренних дел Союза ССР комиссара ГБ третьего ранга Кобулова был послан в Ереван – Мартиросову. Переселению подлежали 212 немцев, в том числе члены ВКП(б) и ВЛКСМ. В случае отсутствия в момент отправки (нахождения в больнице, командировке и т. п.) эти лица берутся на учет для последующего отправления. Срок операции здесь был сокращен: с 15 по 22 октября (что объяснимо небольшим числом депортированных. – Т.Ч.) Определялся маршрут следования: «до Баку жел. дор. и далее морем до Красноводска». На расходы по проведению операции и оплату их в пути следования «из расчета 6 руб. на человека в сутки Вам 10/Х ФО НКВД СССР переводит 25 тыс. руб.». Переселяемым разрешалось брать до 500 килограммов багажа (запрет на громоздкие вещи).

13 октября заместитель начальника Отдела спецпереселений НКВД СССР капитан ГБ Конрадов передает Якубову и Рапова записки о порядке обеспечения переселяемых в пути следования (указано восемь направлений) горячим питанием – два раза в сутки, стоимость 3 руб. на человека, оплата наличными в ж.д. буфетах начальником эшелона⁵. Казалось бы, хотя и наспех, организация была продумана, но она давала сбои. В условиях продвижения фашистских орд и одновременной эвакуации населения, раненых, предприятий и работников на восток в тыл эти поспешные решения потребовали корректуры или часть их просто осталась на бумаге.

Одновременно к акции переселения с Южного Кавказа готовились органы власти в Казахстане. 10 октября из Алма-Аты, из

пен zu ordern. Die Inhaftierung aller „antisowjetisch eingestellten, verdächtigen“ Personen sollte noch vor der Umsiedlung erfolgt sein. Familien der Inhaftierten fielen ganz regulär in die zu deportierende Bevölkerungsgruppe. Verweigerten die Betroffenen ihre Mitwirkung, so galt für sie die Regelung zur Zwangsumsiedlung. Um solchen Fällen vorzubeugen, führte das NKWD zusammen mit den Aktivisten der Partei Aufklärungsarbeiten durch: Den Menschen wurde auf diesem Wege bekannt gegeben, sollte einer oder mehrere Angehörige einer Familie illegal an ihrem Wohnort bleiben und der Zwangsumsiedlung entkommen, würde das Familienoberhaupt für diese Tat zur Verantwortung gezogen. Bei der regulären Umsiedlung wurden die Betroffenen zu den Schiffen nach Baku gebracht, ab dort erfolgte die Verschiffung nach Krasnowodsk. Um einen reibungslosen Ablauf der Aktion zu gewährleisten, stellte das NKWD dem Obermajor der KGB Jakubow zusätzlich eine operative Einsatzgruppe zur Verfügung. In regelmäßigen Berichten der verantwortlichen Volkskommissare wurde Moskau über den Fortschritt und Verlauf der Operation auf dem Laufenden gehalten.

Zeitgleich bekamen die Volkskommissare der Republiken schriftliche Mitteilungen mit dem Vermerk „streng geheim“. Der Volkskommissar Jakubow (Aserbaidsschische SSR) bekam darin die Anweisung, 22.741 Deutsche aus der Republik auszusiedeln und die per NKWD-Beschluss, der dem Genossen Tkatschenko vorlag, festgesetzten Fristen unbedingt einzuhalten. Die zur Durchführung der Operation benötigten Gelder seien bereits angewiesen, versicherte man im Geheimschreiben. Eine ähnliche Mitteilung richtete stellvertretender Volkskommissar des Inneren, Kommissar 3. Ranges der KGB Kobulow an Martirosow in Jerewan (Armenische SSR). Hier waren 212 Menschen zu deportieren, einschließlich der Mitglieder der WKP(б) und des WLKSM. Sollten einzelne Personen zum Zeitpunkt des Abtransports auf Grund eines Krankenhausaufenthaltes, einer Geschäftsreise, o. ä. nicht anwesend sein, so seien diese für den Nachtransport genauestens zu erfassen. In Armenien wurden die

Ich hätte auch weiterhin Elena oder Jelena heißen können, aber wie es der Zufall so wollte, wurde mein Name bei der Einbürgerung komplett eingedeutscht. Deutschland bekam mit mir eine neue Staatsangehörige namens Helene. Erst etliche Jahre später ist mir richtig bewusst geworden, welche Verbindung mein neuer Name für meine Großmutter Else (geb. Strasser) aufbaute. Der Name war mit Erinnerungen an die schöne Kindheit verbunden: warme Schokolade zum Frühstück, gemütliches Zuhause, saubere Straßen. Es sind Erinnerungen an Helenendorf, zu Beginn des 20. Jahrhunderts eine der größten deutschen Kolonien im Kaukasus. Wenn die Großmutter Else über die glückliche Zeit in Helenendorf erzählte, hatte sie ein Leuchten in den Augen. Aber solche Augenblicke waren immer nur von kurzer Dauer, denn mit Helenendorf waren auch andere Erinnerungen verbunden, die meiner Großmutter sichtlich Schmerz bereiteten. Das Jahr 1941. Plötzliche Erkenntnis über die eigene „Unzuverlässigkeit“ dem Staat gegenüber, den man als Heimat empfand. Verwirrung und Verzweiflung, die für viele der Betroffenen all die Jahre als schwarze Großbuchstaben im Kopf geblieben sind – DEPORTATION. Ich kann nur ungefähr ahnen, wie es damals für meine Großmutter als 14-jähriges Mädchen war, ihren Heimatort innerhalb von Stunden verlassen zu müssen. Später, bedingt durch die Einberufung in die Trudarmee, ihre Familie auseinanderfallen zu sehen. Als 16-jähriges Mädchen in den kalten Wäldern der ASSR Komi Bäume fällen zu müssen. Ich kann es nur ahnen, wissen tue ich es nicht. Meine Großmutter danach fragen kann ich seit zehn Jahren auch nicht mehr. Leider fällt es uns oft viel zu spät ein, dass man noch so viel fragen müsste – Großeltern, die nicht mehr am Leben sind. Ich wüsste zu gerne, wie es in dem Haus der Familie Strasser in Helenendorf aussah...

Helene Steinmetz

Else Strasser

Else Strasser (oben, in d. Mitte) (1927–2001), unten rechts – ihre Mutter Marta Strasser, geb. Lock (1891–1972). An Elses 13. Geburtstag

НКВД КазССР (нарком Бабкин), заместителю наркома внутренних дел СССР Чернышову была сообщена по «ВЧ» разнарядка о расселении немцев из закавказских республик: по 5 тыс. человек в 9 областей (Акмолинская, Алма-Атинская, Джамбульская, Кустанайская, Карагандинская, Павлодарская, Семипалатинская, Северо- и Южно-Казахстанская) и, как исключение, 2 тыс. человек в Восточно-Казахстанскую. По запросу на следующий же день в дополнение к этой разнарядке № 1040 от заместителя наркома КазССР Богданова последовало сообщение Чернышову о станциях назначения эшелонов с этими переселенцами (от Чернышова сведения поступали Конрадову)⁶. 13 октября Совнарком КазССР и ЦК КП(б)К принимают постановление (за подписью председателя СНК Ундасынова и секретаря ЦК Шаяхметова): «О мероприятиях по реализации постановления ГКО от 8 октября 1941 г. за № 744сс "О переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР"»⁷. В нем были указаны 10 областей, куда их планировалось доставить; предусматривалось обеспечение питанием и медицинское обслуживание в местах разгрузки на ж.д. станциях и в пути следования к местам расселения. Закончить переселение следовало к 30 октября на основе постановления о расселении немцев Поволжья от 12 сентября и инструкции о порядке приема их имущества от 30 августа, а также соответствующего постановления СНК КазССР и ЦК КП(б)К от 1 сентября. Руководство возлагалось на НКВД, с привлечением к работе Наркомзема, Наркомсовхозов и других организаций республики Казахстан. Было предписано обязать председателей исполкомов облсоветов депутатов трудящихся и секретарей обкомов КП(б)К «в двухдневный срок разработать практические мероприятия по хозяйственному устройству переселенцев в точном соответствии с указанными постановлениями». Контроль за выполнением данного постановления возлагался на НКВД республики. (Решением СНК КазССР от 30 сентября 1941 г. предусматривалось распределение выделенных

Фристен um acht Tage gekürzt und auf den Zeitraum vom 15. bis 22. Oktober festgelegt. (was sich mit der geringen Anzahl der Betroffenen begründen lässt – Anm. d. Verf.). Von ihrem Wohnort aus sollten die wenigen Deutschen mit der Eisenbahn nach Baku gebracht werden, um von dort mit dem Schiff die Weiterreise nach Krasnowodsk anzutreten. Auch hier bestätigte man die Vergütung des Vorhabens: „aus der Berechnung sechs Rubel pro Reisetag und Person werden Ihnen am 10. Oktober von der Finanzabteilung des NKWD 25.000 Rubel überwiesen“. Mitnehmen durften die Deportierten bis zu 500 kg Gepäck, Mitnahme von Sperrgut war verboten.

Am 13. Oktober übergab stellvertretender Vorsitzender der Abteilung des NKWD für „besondere Übersiedlungsangelegenheiten“, Kapitän der KGB Konradow den Volkskommissaren Jakobow und Rapawa einen Versorgungsplan der Deportierten für die Reisedauer. Für die Reisenden, die in acht verschiedene Richtungen fuhren, waren zwei warme Mahlzeiten im Wert von drei Rubel täglich vorgesehen. Die Bezahlung erledigte in Bahnhofskantinen der Kommandant der Staffel. Auf den ersten Blick in kürzester Zeit gut durchorganisiert, wies die Planung der Übersiedlung doch einige Lücken auf. Die deutsche Armee drängte sich immer weiter ins Landesinnere vor, gleichzeitig mussten ganze Ortschaften, Verwundete, Betriebe und Arbeiter Richtung Osten, ins Hinterland, evakuiert werden. Um unter diesen Umständen korrekte Durchführung der Übersiedlung zu ermöglichen, bedurfte es mehrerer Korrekturen, so dass viele Punkte der Organisation für immer auf dem Papier bleiben sollten.

Zur selben Zeit bereitete man sich in der Kasachischen SSR auf die Aufnahme der kaukasischen Übersiedler vor. Am 10. Oktober teilte der Volkskommissar Babkin vom NKWD der kasachischen Stadt Alma-Ata dem stellvertretenden Volkskommissar der UdSSR Tschernyschow über eine den Regierungszwecken vorbehaltene Hochfrequenzleitung die Bestimmung (Nr. 1040) zur Verteilung der Deutschen auf dem Gebiet der Kasachischen SSR mit. Die Neuankömmlinge sollten auf neun Regionen verteilt werden, jeweils 5.000 Menschen pro Re-

Рис. 1
Прибытие высленцев на станцию Педгорное Восточно-Казахстанской области. Ноябрь 1941.

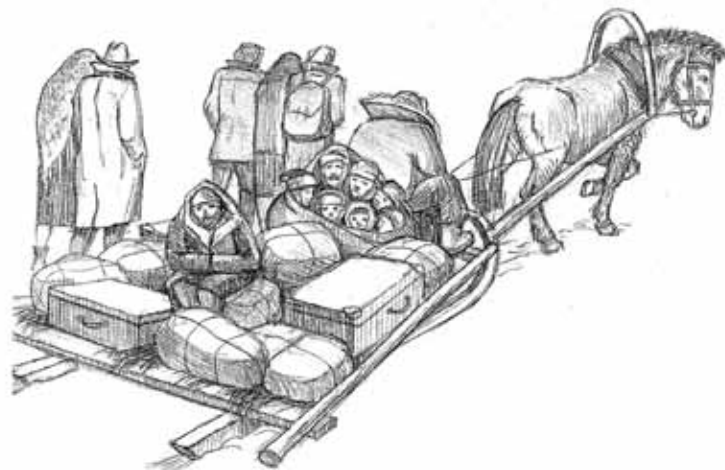

Рис. 2
Дорога до местопребывания, Восточно-Казахстанская область. Ноябрь, 1941.

Рисунки Гюнтера Гуммеля, российского немца, уроженца немецкого села Еленендорф в Азербайджане. Гуммель – искусствовед, скульптор, художник. Сегодня живет в Германии.

Гюнтер Гуммель

С. Н. 2007

Рис. 3
О работе в колхозе «Веселый труд» вспоминает Ида Баумейстер. с. Антошенка, Павлодарская обл. 1942–1944.

С. Н. 2007

Рис. 4
Осиротевшие, голодные дети, просящие кусочек хлеба. Колхоз «Нацмен», Павлодарская обл. 1942–1943.

СНК СССР 17 млн. руб. на операционные расходы по приему и расселению немцев-переселенцев⁸.) Как видно из датирования всех документов, подготовка шла спешно.

К началу операции в Закавказье у местных органов власти явно отсутствовали списки и точные сведения о реально проживавших немцах и приходилось параллельно вести работу по их выявлению. Так, в Азербайджане к началу выселения числилось 15 521 человека (в районах, по сельским зонам – 10 298 человек, в Баку и пригородах – 5223 чел.). Нарком внутренних

К началу операции у местных органов власти отсутствовали списки и точные сведения о реально проживавших немцах.

дел Якубов докладывал в НКВД СССР, что на 16 октября была учтена 4861 семья, 15 835 подлежащих переселению немцев, а на 22 октября – уже 6040 семей, 20 907 человек. Для реализации операции в Баку был создан оперативный штаб НКВД и 17 районных оперативных участков по организации переселения, задействованы городские и районные аппараты милиции и привлечены пограничные войска НКВД Азербайджанского округа, согласно плану «войскового обеспечения операции», 1240 офицеров и красноармейцев⁹. (По всей вероятности, операция в Грузии проводилась по подобному сценарию.) Был разработан план «перевозки переселяемых к пункту погрузки», т. е. в порт Баку.

Отсюда прибывающих немцев (и их багаж) переправляли по Каспийскому морю в Красноводск (Туркменская ССР); большие корабли «Туркестан», «Дагестан», «Казахстан» вмещали по два эшелона. Маршрут доставки поездом: Тбилиси – Сандар – Акстафа – Кировобад – Баку и затем из Красноводска по восьми направлениям ж.д. линий. До Баку (также из Армении) всех от-

дел Якубов докладывал в НКВД СССР, что на 16 октября была учтена 4861 семья, 15 835 подлежащих переселению немцев, а на 22 октября – уже 6040 семей, 20 907 человек. Для реализации операции в Баку был создан оперативный штаб НКВД

гion. Dies betraf Gebiete um Akmola, Alma-Ata, Dschambul, Kustanaj, Karaganda, Pawlodar, Semipalatinsk, Nord- und Südkasachstan und – als Ausnahme – sollten 2.000 Menschen im Osten der Republik untergebracht werden. Am nächsten Tag bekam Tschernyschow vom stellvertretenden Volkskommissar der Kasachischen SSR Bogdanow die von ihm angeforderte Liste der Zielbahnhöfe. Tschernyschow leitete alle Informationen an Konradow weiter, der die Deportiertenstaffel begleitete. Zwei Tage später am 13. Oktober unterschrieben der Vorsitzende des Rates der Volkskommissare der Kasachischen SSR Undasynow und der Sekretär des Zentralkomitees KP(B)K Schajachmetow einen gemeinsamen Beschluss des Rates der Volkskommissare der Kasachischen SSR und des Zentralkomitees der KP(B)K „Über die Maßnahmen zur Umsetzung des Beschlusses des staatlichen Verteidigungskomitees Nr. 744ss vom 8. Oktober 1941 „Über die Umsiedlung der Deutschen aus Georgischer, Aserbaidshanischer und Armenischer SSR““. In diesem Beschluss wurden zehn Gebiete für die Unterbringung der Deutschen bestimmt. Laut dieses Beschlusses musste für die gesamte Reisedauer sowie an den Ankunftsbahnhöfen Verpflegung bereitgestellt und medizinische Versorgung gewährleistet werden. Die Übersiedlung sollte zum 30. Oktober vollständig abgeschlossen werden. Die gesamte Durchführung hatte gemäß dem Beschluss vom 12. September 1941 „Über die Umsiedlung der Wolgadeutschen“, gemäß der Richtlinie „Über die Übergabe der Güter und Vermögen der Deutschen“ vom 30. August 1941 sowie unter Einhaltung des entsprechenden Beschlusses vom Rat der Volkskommissare der Kasachischen SSR und vom Zentralkomitee der KP(B)K vom 1. September zu erfolgen. Die Leitung des Vorhabens oblag NKWD unter Einbeziehung des Volkskommissariats für Landwirtschaft, des Volkskommissariats für sowjetische Haushaltsplanung und anderer Organe der Kasachischen SSR. Die Vorsitzenden des Vollzugskomitees der Gebietsräte der Beauftragten des Arbeitervolkes und Sekretäre der Gebietskomitees wurden dazu verpflichtet, binnen zwei Tagen einen Plan zur Eingliederung der Deutschen zu erstellen, auch hier

Каштаны у селения Чинарлы.
Азербайджан

Городок Анненфельд стоял на возвышенности правого берега Шамхора, там, где река, выбравшись из горных оков, петляла по дну каньона. В разные годы его называли по-разному. Свое первое название он получил в честь сестры Александра I, великой княгини Анны Павловны. В последующем его назвали Аннино, а после революции переименовали в Ленинкенд. Однако в народе прижилось название ЛЭМС, сложенное из первых букв вождей мировой революции. То было время, когда эйфория переименования населенных пунктов охватила всю страну. Последним его названием после депортации коренного армянского населения стало Чинарлы. На улицах городка было много этих огромных платанов, которые спасали дома от нещадно палящего южного солнца...

Григорий знал историю своего родного городка как хорошо выученный урок. Ему много раз приходилось слышать ее от бабушки, отца и других взрослых, которым довелось жить при немцах.

Это была красивая сказка с трагическим концом. Со свойственным им усердием немцы построили в пустыне цветущий городок, утопающий в зелени. Видимо, они решили возвести настоящий рай на земле еще до того, как такая воз-

можность представится им после жизни. Дома в городке были большие, с черепичными крышами, выстроившиеся друг другу в затылок на широких улицах. Вперемежку с чинарами росли груши, и когда весной они цвели, то вся улица была охвачена белоснежным фейерверком. Прекраснее ничего нельзя было вообразить...

Это была красивая сказка, разрушенная войной. И местные немцы, как это бывает, стали ее заложниками. В послевоенные годы по этим аллеям гуляли уже другие люди, а из громкоговорителей, висевших на электрических столбах, раздавались песни Утесова и Бернеса. То были одни из самых ранних воспоминаний Григория, которые крепко засели в памяти.

Во время войны мирное немецкое население по приказу Сталина было выслано на Алтай. Ссылных подняли ночью, ошеломленных и растерянных, разрешили взять с собой только одежду и еду, погрузили в товарные составы и погнали на восток.

С той же станции Далляр, откуда вывозили их вина.

Много лет спустя, уже после карабахской войны, когда из Лэмса были изгнаны и армяне, Григорий подумал, что трагично складываются не только судьбы людей.

Отрывок из романа Симона Цатуряна «Лэмс» (2009). В нем переплетаются три сюжетные линии: история общины немецких евангелистов, изгнанных из Лэмса во время Великой Отечественной войны, история армянских семей, ставших беженцами во время конфликта в Нагорном Карабахе, и история возвращения к истокам двух героев.

правляли в переполненных пассажирских поездах, длинными эшелонами; из Красноводска – лишь в товарных поездах, по 60–70 человек в вагонах-теплушках (по инструкции – до 40 человек).

Депортация не затрагивала немногие семьи. Подробности горькой одиссеи освещены в опубликованных 3-х томах воспоминаний очевидцев¹⁰.

Немцы из Азербайджана попали в основном в Акмолинскую, Карагандинскую, Кустанайскую, Северо- и Восточно-Казахстанскую области; из Грузии в большинстве своем в Джамбульскую, Алма-Атинскую, Павлодарскую, Семипалатинскую и Южно-Казахстанскую области; из Армении все были направлены в Павлодарскую область.

Типичной была картина отъезда: плач, рев недоенных коров, лай собак, порой до изнеможения бежавших за отъезжавшими хозяевами.

Можно отметить общие черты и особенности в сравнении с депортацией немцев с Волги или Северного Кавказа, Украины и других регионов. Как и везде, появление военных и объявление о переселении было для немцев в Закавказье однозначно неожиданным. Люди не подозревали, что уезжают навсегда, им давали три дня на сборы. Условия переселения, согласно инструкции НКВД Союза, были одинаковы: следовало сдать опечатанные дома, хозяйство, скот. Хорошо, если за бесценок продавали корову (по весу получали до 500 руб., в то время как рыночная цена доходила до 2 тыс. руб.); если забивали часть свиней и птицу, жарили мясо в дорогу. Типичны были психологическое состояние людей и картина отъезда: плач, рев недоенных коров и оставленной скотины, лай собак, порой до изнеможения бежавших за отъезжавшими хозяевами.

Можно отметить общие черты и особенности в сравнении с депортацией немцев с Волги или Северного Кавказа, Украины и других регионов. Как и везде, появление военных и объявление о переселении было для немцев в Закавказье однозначно неожиданным. Люди не подозревали, что уезжают навсегда, им давали три дня на

unter Einhaltung aller oben erwähnten Richtlinien und Beschlüsse. Das NKWD sollte die regelgemäße Umsetzung des Beschlusses sicherstellen. Es gab einen weiteren Beschluss betreffend die deutschen Umsiedler, verabschiedet vom Rat der Volkskommissare der Kasachischen SSR am 30. September 1941. Dieser legte die Summe von insgesamt 17 Mio. Rubel fest, die in die Eingliederungsmaßnahmen fließen sollte. Den Datierungen der Dokumente nach zu urteilen, legten die Verantwortlichen großen Wert darauf, die Übersiedlung in möglichst kurzer Zeit vorzubereiten, durchzuführen und abzuschließen.

Zu Beginn der Deportationen aus Transkaukasien waren den zuständigen Behörden die genauen Zahlen der dort lebenden Deutschen nicht bekannt. So mussten parallel zur Planung der Übersiedlungsaktion Zusatzmaßnahmen ergriffen werden, die eine genaue Auflistung der Deutschen in jenen Regionen ermöglichen sollten. In Aserbaidschan beispielsweise lebten zu Beginn der Deportationen nach offiziellen Angaben 15.521 Deutsche, davon 10.298 auf dem Land und 5.223 in Baku und seinen Vorstädten. In seinem Bericht vom 16. Oktober an das NKWD der UdSSR teilte aber der Volkskommissar Jakubow mit, in Aserbaidschan seien 15.835 Deutsche in 4.861 Familien wohnhaft. Bereits am 22. Oktober stieg diese Zahl auf 20.907 Deutsche verteilt auf 6.040 Familien. Um die Deportation aus Baku realisieren zu können, wurden ein Operationsstab vom NKWD ins Leben gerufen, siebzehn Operationsgruppen zur Organisation und Durchführung der Umsiedlungen gebildet, Stadt und Bezirksmiliz hinzugezogen und Grenztruppen des NKWD der Aserbaidschanischen SSR mit 1.240 Offizieren und Angehörigen der Roten Armee mobilisiert, so wie es der Plan „der militärischen Unterstützung der Operation“ vorschrieb. Mit großer Wahrscheinlichkeit verlief die Operation in Georgien nach demselben Muster. Es gab einen detaillierten Plan zum „Transport der Übersiedler zur Verladestelle“; dem Hafen von Baku.

Zum Hafen kamen die Menschen mit überfüllten Passagierzügen. Ihre Reise dorthin führte über Tbilisi, Sandar, Akstafa und Kirowo-

Школа первой ступени
в колонии Анненфельд

Im Oktober haben wir unsere Häuser, Hab und Gut für immer verlassen müssen. „Wie die Zugfahrt verlaufen ist und ob es unterwegs Opfer gab, weiß ich nicht, spüre jedoch immer noch die Kälte am Schluss dieser mehrwöchigen Zugfahrt. In den Waggons mit über 60 Personen war es sehr eng, man konnte sich kaum bewegen, alles war voll mit Leuten und Gepäck, liegen auf den Pritschen konnte man nur auf einer Seite“, - weiß jetzt noch die damals 15jährige.

Am 22. Oktober fing die Reise ins Ungewisse an. Von der Station Doljar wurden die Annenfelder mit dem Zug nach Baku gefahren, direkt zum Seehafen. Am nächsten Tag verließen ca. 1000 Annenfelder auf dem Schiff „Dagestan“ den aserbajdschanischen Boden und kamen in der Frühe des 24. Oktober in Krasnowodsk an. Am gleichen Tag erfolgte die Verladung der Kaukasusdeutschen in die zu einem langen Zug formierten Viehwaggons. In diese kamen nur Annenfelder hinein.

Am Tag der Großen Oktoberrevolution kamen die aus Annenfeld Vertriebenen im Dorf Kamyschenka im Gebiet Ost-Kasachstan an. Von der Gebietshauptstadt Ustj-Kamenogorsk gingen an diesem 7. November 1941 zwei Fähren mit Annenfeldern ab, eine nach Ustj-Kamennoje, die andere nach Samarskoje. „Wir waren auf der ersten Fähre und mussten noch 300 km weiter kommen... nach Slawjanka,“ so hat Frau Müller diese Zeit in Erinnerung. Von dort wurden deutsche Mädchen und Frauen, zu einer Erzgrube abtransportiert. Dort mussten wir die ganzen schiffbaren Monate arbeiten, etwa vom 20. April, als das erste Schiff vom Hafen Semipalatinsk zum Oberirtysch startete, bis Ende der ersten November-Hälfte, als die Schifffahrt wegen Frost wieder eingestellt werden musste. Wir mussten Schiffe, Last- und Schub-Kähne entladen. Es kamen dort Güter wie Lebensmittel (Mehl, Reis u.a. Getreide, Zucker etc.), Motoren- und Maschinenöl in Fässern, Kohle u.a.m. an. Die schweren Güter mussten wir, alles junge Mädchen und Frauen, dazu noch hungrig und barfüßig auf unseren Schultern und unter Bewachung schleppen.

Erinnerung von Klara Müller, geb. Quadrizius, geb. 1926, an Annenfeld (heute Schamkir) (aus dem Buch: Edgar Reitenbach. (Hrsg.) Vom Kaukasus nach Kasachstan. Deutsche Dörfer und Schicksale in Erinnerungen und Bilder. Bd. 1. Duisburg, 2004).

«Наказанный народ» – немцы оказались первыми в череде репрессий по национальному признаку, но в целом схожи судьбы их и других «народов в эшелонах», отправленных в годы войны с Кавказа в глубь страны. Особенностью можно назвать факт, что швабы брали много вещей: плотно свернутые дорогие персидские ковры, постельное белье, одеяла и матрацы, летнюю и зимнюю одежду, посуду и утварь, хозяйственные инструменты, запасы еды. Некоторые везли швейные машинки «Зингер» (многим они помогли выжить). Ход акции выселения облегчало предоставление автомашин и телег до ж.д. станций и пассажирских поездов в Баку, организация в порту погрузки тяжелых тюков на корабли. Поскольку прибывающие из Грузии немцы брали багаж, значительно превышавший масштабы разрешенного инструкцией НКВД, из Баку в НКВД Тбилиси была отправлена 22 октября телефограмма с просьбой «запретить погрузку громоздких вещей» (везли кровати, кушетки, стулья, бочки вина). 23-го – новая телеграмма: «Багажа по-прежнему много»; требовали организовать переселение в соответствии с инструкцией¹¹.

29 октября нарком Якубов сообщил из Баку в Москву (заместителю наркома Кобулову), что переселение из южнокавказских республик было закончено 28 октября. Это напоминает традицию выполнения плана по привычке «досрочно»! Однако за этим рвением и деянием стояли свыше 40 тыс. поломанных судеб... По обеим справкам НКВД о переселении граждан немецкой национальности, от 28 октября и 13 декабря 1941 г. (за подписью заместителя начальника Отдела спецпереселений капитана ГБ Конрадова), из Грузинской, Азербайджанской и Армянской республик были депортированы соответственно 23 580, 22 841 и 212 человек (25 эшелонов). Интересно, что в справках от 13 и 14 декабря «о наличии проживающих (оставшихся) немцев в республиках, краях и областях» закавказские республики не фигурируют (по данным НКВД-УНКВД)¹².

bad. Auch von Armenien aus reiste man nach Baku mit der Eisenbahn. Von Baku aus ging es mit großen Schiffen „Turkestan“, „Dagestan“, „Kasachstan“ samt Gepäck weiter über das Kaspische Meer nach Krasnowodsk (Turkmenische SSR). Jedes dieser Schiffe verfügte über großes Fassungsvermögen und konnte Menschen aus zwei vollen Zügen aufnehmen. In Krasnowodsk wurden die Reisenden in acht Gruppen aufgeteilt, die in acht verschiedene Richtungen mit der Eisenbahn weiterreisten. Statt Passagierzügen wurden hier lediglich Güterzüge und Viehwagen bereit gestellt. Trotz eines Fassungsvermögens von nur 40 Personen wurden die Wagen mit 60-70 Personen besetzt.

Nur sehr wenige Familien waren von der Deportation nicht betroffen. Die meisten mussten diese ungewollte, bittere Odyssee auf sich nehmen. Ihre Erlebnisse aus jener Zeit wurden zusammengetragen und als eine dreibändige Sammlung der Erinnerungen der Augenzeugen veröffentlicht. Deutsche aus Aserbaidschan kamen zum größten Teil in die Gebiete um Akmola, Karaganda, Kustanaj und in den Nord-Osten der Kasachischen Republik. Fast alle georgischen Deutschen wurden in die Gebiete um Dschambul, Alma-Ata, Pawlodar, Semipalatinsk und in den Süden der Kasachischen Republik umgesiedelt. Alle aus der Armenischen SSR kommenden Deutschen wurden in der Region um Pawlodar untergebracht.

Bereits am 29. Oktober teilte der Volkskommissar Jakobow aus Baku dem stellvertretenden Volkskommissar Kobulow in Moskau mit, dass die Übersiedlung der Deutschen von Transkaukasien am 28. Oktober abgeschlossen wurde. Das erinnert stark an die damals verbreitete Tradition, einen Plan unbedingt vorfristig zu erfüllen! Nur zu leicht übersah man hinter dieser Hektik und Eile, dass hinter der Aktion 40.000 zerbrochene Schicksale standen... In seinen Berichten vom 28. Oktober und vom 13. Dezember informierte der stellvertretende Vorsitzende der Abteilung für „besondere Übersiedlungsangelegenheiten“, Kapitän der KGB Konradow über die erfolgte Umsiedlung von 23.580 Deutsche aus der Georgischen, 22.841 Deutsche aus

Ecke der Erinnerungen
an die ehemaligen Kolonisten
auf dem lokalen Friedhof
(Katharinenfeld, heute Bolnisi).
Foto T. Tschernowa-Döke

15. Oktober 1941. Ich war gerade in der 6. Klasse. Zur vierten Stunde kam der Lehrer für Georgisch nicht zum Unterricht. Wir Schüler rannten in den Hof... doch bald kam eine Lehrerin und sagte: „Geht alle nach Hause, ihr werdet mit euren Eltern nach Kasachstan verschickt.“ Diese Nachricht bedeutete für uns unerfahrene Kinder nichts Ernstes. Wir freuten uns und schrieten: „Hurra, wir fahren nach Kasachstan, wo es heiß ist und wo es Äpfel gibt!“ Als ich nach Hause kam, sah ich, dass die Mutter weinte und der Vater ganz nervös war. Es wurde uns befohlen, in drei Tagen zur Abfahrt bereit zu sein. Nach einer guten Ernte in diesem Jahr war unser Keller besonders voll mit Obst, Äpfeln, Trauben und Kartoffeln in großer Menge...

Am 18. Oktober fuhren wir mit Ochsenwagen zur Station Sandar ab. Unser treuer Hund „Bobik“ lief dem Wagen hinterher, solange er konnte, dann wurde sein trauriges Geheul immer leiser... und schließlich sahen wir ihn nicht mehr.

Endlich kam ein Personenzug... in jeden Waggon wurden viele Leute hineingepfercht... Nun saß in unserem Waggon auch ein älteres Ehepaar...

Beim wiederholten Bremsen und Stoß... fragte die alte Frau: „Warum fahren sie uns so schlecht nach Deutschland?“ Darauf erwiderte ihr Sohn „Mutter, du fährst nicht nach Deutschland, sondern nach Kasachstan!“

Am Mittag trafen wir in Baku ein. Am nächsten Nachmittag kamen wir am anderen Ufer des Kaspischen Meeres in der turkmenischen Hafenstadt Krasnowodsk Am Mittag des 22.10.41 fuhr der Elendszug aus Krasnowodsk ab. Am 31. Oktober kamen wir in Semipalatinsk an... Weiter war das Dorf Belokamenka.

Die Erinnerungen an Katharinenfeld und Belokamenka von Ida Ordubajew, geborene Kies (geb. 8.2.1928) (aus dem Buch: Edgar Reitenbach. (Hrsg.) Vom Kaukasus nach Kasachstan. Deutsche Dörfer und Schicksale in Erinnerungen und Bilder. Bd. 1. Duisburg, 2004).

Обращает на себя внимание, что в отчетах были даны неизменно одинаковые сведения и цифры соответствуют заданным в постановлении ГКО от 8 октября. Свет на факт первоначально явно формального учета НКВД проливает документ – запрос от 28 ноября начальника Отдела спецпереселений майора ГБ Иванова (г. Чкалов) Конрадову в г. Куйбышев – пункт 3: «Одновременно сообщите последние цифровые данные о фактическом переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР...» Он упрекает Конрадова в том, что его справка заместителю наркома внутренних дел Меркулову составлена «не из фактических данных отправленных эшелонов, т. е. данных Транспортного управления... а из предположительных». Лишь после запроса сведения были уточнены. Так, уже по справке Конрадова начальнику отдела Иванову от 25 декабря, из Грузии было отправлено, согласно сообщению НКВД ГрССР, 20 423 немца (т. е. меньше, без объяснения причин). Не остались без изменений и данные по Азербайджану. В справке НКВД на 1 января 1942 г. даны следующие показатели: были переселены из Грузии – 20 423 человека, из Азербайджана – 23 593 человека, из Армении – 212 человек.¹³ Получается всего 44 228 немцев, что можно взять за основу. Как видим, план Берии переселить 46 533 человека остался невыполненным. Оказалось, «недобор» по плану составил 2305 человек! В срок с 25 по 30 октября шло переселение немцев из Дагестанской АССР – 4000 человек и из Чечено-Ингушской АССР – 574 человека (согласно постановлению ГКО № 827сс от 22 октября). Одновременная акция – прибытие пароходов по Каспию из порта Махачкала в Баку и подача вагонов – могла затруднять отчетность, но главное было в сугубо формальном подходе к ней. (По докладу Конрадова, на 25 декабря в стране уже было отправлено 856 168 немцев. Из них, считаем, закавказские немцы составили 5,15 %).

Но и после рапорта Якубова от 29 октября продолжалась депортация «вновь выявленных». В донесении в Москву уточ-

der Aserbaidshanischen und 212 Deutsche aus der Armenischen Republiken. Dies entsprach 25 überfüllten Langzügen. Nach den Angaben des NKWD wurde Transkaukasien in den Mitteilungsdokumenten vom 13. und 14. Dezember „über die noch an ihrem ursprünglichen Wohnort verbleibenden Deutschen“ nicht erwähnt.

Es fällt auf, dass in den sämtlichen Berichten über die Aussiedlungen die Anzahl der Deportierten stets mit den vom staatlichen Sicherheitskomitee ermittelten und am 8. Oktober festgehaltenen Zahlen übereinstimmt. Dies wurde auch vom Vorsitzenden der Abteilung für „besondere Übersiedlungsangelegenheiten“, Major der KGB Iwanow aus der Stadt Tschkalow aufgegriffen. Am 28. Oktober forderte er Konradow in Kujbyschew in einem Schreiben auf, „bei Gelegenheit die tatsächlichen Zahlen der Umgesiedelten aus der Georgischen, Aserbaidshanischen und Armenischen Republiken mitzuteilen“ (Punkt 3 im Schriftstück). In diesem Schreiben wirft er Konradow vor, seinen Bericht an den stellvertretenden Volkskommissar des Inneren Merkulow „nicht von den tatsächlichen Zahlen der abgefertigten Züge ausgehend erstellt zu haben, sondern sich auf Vermutungen und Spekulationen gestützt zu haben“. Erst als Reaktion auf dieses Schreiben wurden die Zahlen der Deportierten in einem weiteren Bericht vom Konradow korrigiert. Am 25. Dezember teilte er dem Vorsitzenden der Abteilung für „besondere Übersiedlungsangelegenheiten“ Iwanow die Korrekturen mit. Demnach wurden aus der Georgischen SSR insgesamt 20.423 Deutsche ausgesiedelt (also weniger als geplant, ohne Angaben von Gründen). Auch die Zahlen der Deportierten aus der Aserbaidshanischen SSR mussten berichtigt werden. In einer Mitteilung des NKWD vom 1. Januar 1942 wurde die Zahl der Deportierten auf 23.593 erhöht. Die Angabe von 212 Menschen in der Armenischen Republik war dagegen korrekt. Diesen Zahlen zufolge wurden tatsächlich 44.228 Deutsche aus Transkaukasien deportiert. Wie dies deutlich macht, konnte Beria seinen Plan, 46.533 Deutsche aus Transkaukasien zu deportieren, nicht verwirklichen: Es „fehlten“ ganze 2.305 Menschen! Es war auch nur bedingt mög-

Eine der vielen Folgen der Deportationen waren neue Änderungen innerhalb der deutschen Toponomastik. Ein erstes Mal tauchten die Namen der deutschen Ortschaften der russischen Schreibweise und Toponomastik angepasst im Jahre 1915 im damaligen Zarenrußland auf. So wurde aus dem Helenendorf „Jelenino“, aus dem Annenfeld „Annino“, aus dem Elisabeththal „Asureti“ usw. Mit dem Machtantritt der Sowjets 1921 wurden die Namen ein weiteres Mal geändert: Katharinenfeld in „Ljuksemburg“, Alexanderdorf in „Liebknechtdorf“, Aleksandergilf in „Rosenberg“, Waldheim in „Kirowisi“, Georgsfeld in „Georgijewsk“, Elisawetinka in „Marksowka“ u. a. 1938 wurde aus Jelenino „Chanlar“, im Juni 1941 taufte man Annino in „Schamchor“ um (ähnlich einem früheren Namen der Region), Georgijewsk (früher Georgsfeld) bekam den Namen „Leninfeld“, Eigenfeld wurde zu „Engelsfeld“ usw. Auffällig waren auf Ideologie basierte Namensgebungen (wie z.B. Marksowka nach Karl Marx benannt, oder Leninfeld benannt nach Wladimir Lenin. – Anm. d. Übers.). Seit dem Jahr 1941 gibt es in Kaukasus so gut wie keine deutschklingenden Ortsnamen mehr. Nach der Aussiedlung der Deutschen bekamen viele Ortschaften einen neuen Namen: Ljuksemburg nannte man unverzüglich in „Bolnisi“ um, Traubenberg wurde zu „Tamaris“, Grüntal zu „Ruisbolo“, Leninfeld zu „Tschinarli“, Traubenfeld wurde mit Towus zusammengelegt usw. Und diese Entwicklung hält bis heute an! Im Jahr 2009 wurde z.B. die Stadt Chanlar (ehem. Helenendorf) nach einem nahe gelegenen See in „Gjok Gjöl“ umbenannt.

Die ehemaligen Kolonisten-Häuser in der georgischen Stadt Bolnisi (ursprünglich Katharinenfeld)

нялось: «Оставшиеся по различным причинам одиночки и демобилизуемые из Красной армии будут направляться группами в сопровождении оперработников». В ходе операции также продолжались аресты проходивших «по оперативным материалам» (только в Азербайджане, по отчетам республиканского НКВД, на 25 октября – 105 человек)¹⁴. Они были месяцами позже этапированы в распоряжение НКВД КазССР.

Судя по изученным на сегодня докладным запискам в НКВД СССР, внутренней переписке между сотрудниками НКВД Азербайджана и Грузии, их рапортам, в ходе осуществления операции проявилось много упущений в ее организации (от-

части жизнь внесла коррективы в планы). По приему эшелонов в Баку: неразбериха в документации, «повагонные списки составлены небрежно», сопровождающим оперработникам и начальникам эшелонов не

всегда было известно количество едущих в поезде. К примеру, на прибывших из Сандара эшеломом № 233/611 отсутствовали учетные карточки. Выявлялись случаи, что наркомы здравоохранения обеих республик не обеспечили отправляемых с эшелонами врачей деньгами и медикаментами, некоторые ехали «на время» в легкой одежде. В рапортах оперработников в оперативный штаб Баку отмечалось, что порой не было точного адреса конечных остановок эшелонов, в дороге могли изменить направление движения или место выгрузки пассажиров (что могло быть и в силу объективных причин, сложности процесса эвакуации населения и промышленности). Не останавливаясь подробно на условиях переезда, отметим, что в об-

лич, die Einhaltung des Plans nur anhand der Zahlen zu verfolgen. Im selben Zeitraum vom 25. bis 30. Oktober stiegen in Baku weitere 4.574 Deportierten aus den Autonomen Sowjetrepubliken Dagestan und Tschetscheno-Inguschetien (vorgeschrieben per Beschluss Nr: 827ss des staatlichen Sicherheitskomitees vom 22. Oktober 1941) über das Kaspische Meer aus Machatschkala kommend auf die Schiffe Richtung Krasnowodsk um. Es ist nicht ausgeschlossen, dass dies zu einigen Verwirrungen bei den Zählungen führte. Doch das größte Unterfangen lag hier in der rein formellen, oberflächlichen Herangehensweise der Verantwortlichen. Abschließend lassen sich die Deportiertenzahlen wie folgt zusammenfassen: Insgesamt wurden im ganzen Land 856.168 Deutsche deportiert, Kaukasiendeutsche machten davon 5,15% aus. Dieselben Zahlen gab Konradow in seinem Bericht vom 25. Oktober bekannt.

Nachdem die Hauptdeportationen beendet waren, begann man am 29. Oktober mit der Deportation der „Neuermittelten“. In einem Rapport an die Moskauer Behörden hieß es: „die aus verschiedenen Gründen noch nicht umgesiedelten Einzelpersonen sowie die demobilisierten Soldaten der Roten Armee werden in Gruppen und in Begleitung der Operationsgruppen zu ihrem neuen Wohnort gebracht“. Auch die Inhaftierungen der „antisowjetisch eingestellten und verdächtigen Personen“ dauerten noch an. Alleine In Aserbajdschan wurden laut Angaben des NKWD vom 25. Oktober weitere 105 Menschen verhaftet. Monate später wurden sie den Behörden der Kasachischen SSR übergeben.

Wie man heute aus den Berichten der Verantwortlichen, Beschlüssen und vielen Briefwechseln zwischen NKWD-Abteilungen von Aserbajdschan und Georgien schlussfolgern kann, gab es in der Organisation der Deportationen viele nicht unerhebliche Lücken, die letztendlich auf irgendeine Art sich selbst füllten. Vieles wurde versäumt, nachlässig organisiert und anschließend nicht sorgfältig genug umgesetzt. Der Ablauf erfolgte teilweise chaotisch und ungeordnet. So zum Beispiel waren die Namenslisten und andere Be-

В ходе осуществления операции проявилось много упущений в ее организации. Отчасти жизнь внесла коррективы в планы.

...Я родился в Челябинске в 1949 г. Отец – шваб, уроженец Катариненфельда в Грузии, мать – волжанка, уроженка Базеля Поволжья, семья которой была раскулачена в 1930 году и выслана в Коми.

Родители между собой говорили на немецком, говорил на немецком и я, но когда во время тяжелой болезни попал на три месяца в больницу, то вышел из нее русскоязычным.

В 1955 г., когда немцам дали относительную свободу передвижения, отец взял меня с собой и мы поехали на его родину к семье его старшей сестры. Это было мое первое путешествие, чем я страшно гордился. Вместе с тетей и отцом мы пошли на кладбище на могилы моих бабушки и дедушки. Дедушка умер в 1936 г., бабушка – в 1948. До этого я никогда не был на кладбище и не знал его назначения. Была пустыня: камни, пыль и редкие кусты прошлогодней травы. В 20 м от телеграфного столба были два холмика, обложенные овалом камнями. Взрослые стояли на коленях и плакали...

После нашей поездки тяга отца на родину была неудержимой, хотя мать, будучи дочерью Севера, всячески противилась ехать в неведомые ей места.

В 1956 г. семья переехала на родину отца – тогдашний Болниси Грузинской ССР. Нас там не прописали, несмотря на то что сохранился дедовский дом, так как две сестры отца были замужем за лицами ненемецкой национальности, отца призвали в Красную армию в 1940 г., и из их семьи никто не был выслан.

Наша семья разделила судьбу всех высланных в 1941 г. немцев. Мы имели право жить везде, где разрешалось свободно проживать, кроме местности, находящейся ближе 50 км от места жительства до войны. Первый класс школы я кончил в Болниси, живя у тети, со второго по десятый – в селе Ламбало (Дебедашен, Баграташен) Ноемберянского района Армении, куда наша семья вынуждена была переселиться...

Из воспоминаний Виктора Генриховича Вухрера

Виктор Вухрер

Многие немцы сохранили духовную связь с Родиной – Кавказом. Первые ехали туда из Казахстана «посмотреть» уже в 1960-е гг., группами или семьями, в одиночку. Теперь едут из Германии посетить родные места, периодически организуются турпоездки в Баку, Еленендорф и другие селения.

щем он длился до месяца, 2–3 недели – в вагонах-теплушках по 60 и более человек. Отсутствие туалетов, трудности с маленькими детьми и стариками, нехватка продовольствия и воды и т. п. вызывали болезни и смерти в пути. Хотя, по воспоминаниям очевидцев, носили кипяток, ближе к ночи получали горячую пищу из ж.д. буфетов (расплачивались ответственные начальники эшелонов).

Мало исследованным остается вопрос о политике и практике заселения принудительно оставленных немцами жилищ. Переселение местных и эвакуированных жителей в районы и колхозы после насильственного выдворения немецкого населения наблюдалось повсеместно (в Поволжье, на Кавказе и др.)¹⁵. В покинутые дома депортированных немцев, которые сдали колхозу скот и все хозяйство, получив жалкие расписки о принятом, спешно вселяли по решению местных советско-партийных органов. Так, в Азербайджане уже 19 октября в ходе акции выселения было утверждено постановление Совнаркома и ЦК АКП(б) «О вселении в колхозы, освобождаемые от немецкого населения». Указано было вселить в пятидневный срок 4360 человек трудоспособного колхозного населения, со всеми членами семей и хозяйствами¹⁶. Эта политика и практика и правомерность решений властей требуют, наконец, правовой оценки.

Одним из последствий депортации на местах стало очередное изменение немецкой топонимики. Впервые новые названия населенных пунктов как элемент русификации появились в 1915 г.: Еленендорф стал Еленино, Анненфельд – Аннино, Елизаветталь – Асурети и т.д. Затем с 1921 г., с приходом советской власти, селения были переименованы: Катариненфельд – в Люксембург, Александерсдорф – в Либкнехтдорф, Александергильф – в Розенберг, Вальдхайм – в Кировиси, Георгсфельд – в Георгиевск, Елизаветинка – в Марксовку и др. В 1938 г. Еленино было названо Ханлар, в июне 1941 г. Анни-

gleitunterlagen nicht korrekt verfasst, was im Hafen von Baku zu großen Verwirrungen führte. Den Operationsgruppen und Staffelleitern waren die genauen Zahlen der Passagiere in den Zügen nicht bekannt. Bei dem Zug Nr. 233/611 aus Sandar wurden vorab keine Registrierkarten für Ankömmlinge angelegt. Viele der begleitenden Ärzte waren durch Versäumnisse der Volkskommissare in den Republiken weder mit dem nötigen Reisegeld noch mit Medikamenten ausgestattet. Manche von ihnen kamen in leichter Bekleidung in der Annahme, nur für eine kurze Zeit zu verreisen. Oft wussten weder die Passagiere noch die Begleitpersonen, welcher Ankunfts-ort für ihre Zugstaffel vorgesehen war. Die Fahrtrichtung oder gar der Zielort der Züge konnte jederzeit geändert werden: Die Fahrpläne waren auf Grund vieler gleichzeitig laufender Evakuierungsmaßnahmen nur schwer einzuhalten. Insgesamt dauerte die Reise etwa einen Monat, zwei bis drei Wochen davon war man in Güterzügen unterwegs, die Wagen wurden statt mit 40 mit über 60 Mann vollgemacht. Toiletten gab es in den Güterzügen nicht. Es war nicht genug Essen und Trinkwasser da, für kleine Kinder und ältere Menschen wurde die Reise so besonders beschwerlich. Einige starben an Krankheiten wegen fehlender Versorgung mit Medikamenten, Wasser und Proviant. Einige der Augenzeugen erinnern sich, dass es von Zeit zu Zeit heißes Wasser und abends warme Mahlzeiten aus den Bahnhofskantinen gab.

Bis heute bleibt zum größten Teil ungeklärt, unter welchen Bedingungen und nach welchen Vorgaben die von den Deutschen unfreiwillig verlassenen Häuser wiederbezogen wurden. Bekannt ist, dass dieser Wohnraum samt zurückgelassener Haushaltsgegenstände, persönlicher Sachen, Vieh den Einheimischen in den jeweiligen Gebieten sowie der aus anderen Ortschaften evakuierten Bevölkerung durch die Behörden überlassen wurde. Diese Praxis wurde in allen Regionen angewandt, aus denen die Deutschen deportiert wurden. Was mit ihren Häusern und ihrem zurückgelassenem Hab und Gut geschehen würde, wussten sie nicht. Bei der Abreise händigte man

Ежегодная встреча еленендорфцев в Фульде (Германия).
Фото Т.Н. Черновой-Дёке

Большинство немцев-переселенцев (кавказских) переехали из Казахстана в Германию. Они регулярно проводят здесь встречи односельчан, родственников и близких, друзей, одноклассников. И что интересно, собираются жители не только бывших колоний, но и немецких селений в Казахстане, например, деревень Белокаменка или Мариновка, где была прожита часть жизни, где родились и выросли их дети. Некоторые пишут семейные истории, хроники, историю колоний, просто о пережитом. Их объединяет общность судеб. Хотя в деталях судьбы людей были разные, они имеют так много схожего, поскольку все они – российские немцы.

но – Шамхор (как звучит древнее название местности), Георгиевск – Ленинфельд, Эйгенфельд – Энгельсфельд и др. Налицо были идеологизированные названия. В 1941 г. немецкие топонимы фактически окончательно исчезают с карты Кавказа. Так, с выселением немцев село Люксембург было сразу переимено-

вано в Болниси, Траубенберг – в Тамарис; Грюнталь – в Руисболо, Ленинфельд – в Чинарли; Траубенфельд объединен с Товуз и т.д. И по сей день(!) этот процесс продолжается: в 2009 г. Ханлар (б. Еленендорф) был назван Гёк Гель (по названию близлежащего озера).

Депортация немцев (и коренных горских народов) нанесла серьезный удар по экономическому и культурному потенциалу районов Кавказа.

Депортация немцев (и коренных горских народов) нанесла серьезный удар по экономическому и культурному потенциалу районов Кавказа. Произошла непоправимая утрата трудолюбивого, успешного сельского и городского населения. Мало немцев оставалось или вернулось сюда. На сегодня в суверенных Азербайджане и Грузии имеются небольшие евангелическо-лютеранские общины. В Баку немцам-евангелистам удалось вернуть себе здание Кирхи. В Тбилиси при поддержке германской стороны и благодаря усилиям епископа Гердта Гумеля была построена и в 2005 г. освящена церковь Примирения. Как символ единения здесь была создана общественная организация немцев «Айнунг». И сегодня, 70 лет спустя после депортации, эта трагедия остается в сердцах людей, взывает к исторической памяти, в частности, о кавказских немцах (потомках колонистов). Она напоминает об ответственности тоталитарной власти за содеянное.

ihnen eine – im Grunde genommen nutzlose – Bescheinigung aus, in der die zurückgelassenen Gegenstände aufgelistet waren. Kaum war der letzte Wagen mit den Deportierten abgefahren, begannen die Parteiorgane und die Sowjetbehörden in großer Eile mit der Wiederbesiedlung der leer gewordenen Ortschaften. Es gibt ein Dokument, das hier etwas Licht ins Dunkel bringt. Am 19. Oktober erging ein Beschluss des Zentralkomitees der Aserbajdschanischen Kommunistischen Partei der Bolschewiken „Über die Wiederbesiedlung der von der deutschen Bevölkerung geräumten Ortschaften“. Dieser Beschluss schrieb vor, binnen fünf Tagen 4.360 „arbeitsfähiger, in der Landwirtschaft tätiger“ Menschen mit all ihren Familienmitgliedern und dem gesamten Hausrat in den frei gewordenen Häusern unterzubringen. Nun sollte es langsam an der Zeit sein, die Rechtmäßigkeit jener Taten und Praktiken eingehend zu prüfen.

Die Deportationen der Deutschen (aber auch der Urbevölkerung des Kaukasusgebirges) versetzten einen herben Schlag der Wirtschaft und der Kultur Kaukasus. Die Region musste auf unzählige fleißige, arbeitliebende, erfolgreiche Städter und Landwirte verzichten. Denn nur wenige blieben in Kaukasus oder kehrten später zurück. Heute gibt es in Aserbajdschan und Georgien einige kleine evangelisch-protestantische Gemeinden. In Baku holten sich deutsche Evangelisten ihre Kirche zurück, in Tbilisi wurde die Versöhnungskirche erbaut und im Jahr 2005 eingeweiht, dies ist zu einem großen Teil der Unterstützung aus Deutschland und den Bemühungen des Bischofs Gert Hummel zu verdanken. Als ein Symbol der Einigkeit wurde hier eine öffentliche deutsche Organisation namens „Einung“ ins Leben gerufen. Bis heute, 70 Jahre nach den Deportationen, tragen die Menschen jene unermessliche Tragödie in ihren Herzen. Sie darf nicht in Vergessenheit geraten und unbeachtet auf den Seiten der historischen Bücher verschwinden. Man soll ihrer und der Tausenden kaukasischer Deutschen, der Nachkommen der Kolonisten, gedenken. Jene Geschehnisse werden stets an die Untaten der totalitären Macht erinnern.

Андрей Кноблок

Андрей Кноблок.
Аллея в Суханово.
Холст, масло. 50x80. 2001.

« О Москве можно говорить и вспоминать бесконечно. В нашей семье все были москвичами, и жили мы в самом центре города, близ Трубной площади, у Петровских ворот.

Мое первое путешествие по московским улицам еще в самом раннем возрасте состояло в переезде с Арбата, из роддома им. Грауэрмана, домой – в Большой Каретный переулок, где затем и протекала первая и, наверное, лучшая часть моей жизни. Так что вместе с В. Высоцким я мог бы с полным основанием спеть:

Где мои семнадцать лет?

На Большом Каретном...

Звуки той Москвы, запомнившиеся с детства, – это скрип колес на поворотах рельс и перезвон трамваев, гудки автомобилей, стук футбольного мяча и патефонные мелодии, доносившиеся со двора. Запахи – это кофе на керосинке и вкусный аромат масляных красок с палитры отца. »

Из воспоминаний Андрея Кноблока, родившегося в 1938 г. в Москве в семье театрального художника.